

НЕЛЮБА А., РЕДЬКО Є.,
Лексико-словотвірні інновації (2014). Словник

А. НЕЛЮБА, заг. ред., Харків, Харківське історико-філологічне товариство, 2015, 220 с. ISBN 978-966-1630-27-6

Виктор Васильевич Шаповал

Московский городской
педагогический университет,
Москва, Россия

Viktor V. Shapoval

Moscow City Teacher Training
University, Moscow, Russia

Неология как область актуальной лексикографии имеет большие перспективы и немалые проблемы, которые в апреле 2015 г. обсуждались на международной конференции “Современные проблемы лексикографии” в С.-Петербурге (см., например, статьи [Буцева 2015; Дмитриев 2015; Козулина 2015; Янурик 2015] и другие в: [СПЛ 2015]). При решении этих проблем весьма полезным может быть учет опыта соседних славянских стран, поскольку при значительной общности и сходстве процессов в лексической инноватике подходы к фиксации и изучению этого материала кое в чем заметно отличаются.

Седьмая книга словаря “Лексико-словотвірні інновації” [ЛСІ-7] отражает словарные новшества, зафиксированные в течение 2014 года и представленные в различных стилях и разновидностях украинского языка. Концепция этого словаря была предложена проф. Анатолием Николаевичем Нелюбой и реализуется под его общей редакцией с соавторами начиная с 2004 г. Книга с материалами 2014 года подготовлена им в соавторстве с Евгением Александровичем Редько. Ранее вышли следующие книги того же словаря: [ЛСІ-1; ЛСІ-2; ЛСІ-3; ЛСІ-4; ЛСІ-5; ЛСІ-6].

Таким образом, достоинством данного словарного проекта является долговременность и следование выработанной концепции. Характерно для неографии и вполне обоснованное стремление через короткое время повторить издание словарного материала уже с учетом накопленных уточнений. Значительная часть инноваций, накопленных за двадцатилетие и описанных ранее в словарях серии [ЛСІ], нашла отражение в новом издании “Словотворчість незалежної України. 1991–2011” [СНУ 2012].

Сходным образом в русской лексикографии вслед за серией “Новые слова и значения” [НСЗ-60, НСЗ-70, НСЗ-80] выходит опирающийся на накопленный

опыт “Словарь новых слов русского языка”, охвативший материал с середины 50-х до середины 80-х годов минувшего столетия [СНС 1995]. Есть и другой пример двойного словарного описания: Т. Н. Буцева указывает, что только благодаря использованию при создании НСЗ-80 материалов ежегодных выпусков “Новое в русской лексике. Словарные материалы” [НРЛ] удалось практически раздвинуть рамки выборки до целого десятилетия [Буцева 2011: 86]. До этого приходилось в основном “подбирать лексику, пропущенную толковыми словарями” [там же: 87].

Следует отметить, что словарная фиксация лексико-словообразовательных инноваций ощутимо отличается от составления словарей новых слов и значений, хорошо известных нам более пространственных продуктов неологии, хотя и заметно совпадает с последними в силу существенной общности объекта описания.

Первое отличие, которое бросается в глаза, — оперативность фиксации. В русской лексикографии изначально существовала ориентация на отражение лексических инноваций по десятилетиям, как в упомянутой серии “Новые слова и значения”. Только с 1977 года появляются выпуски серии “Новое в русской лексике. Словарные материалы” [НРЛ-77; НРЛ-94], однако ограниченные возможности при отборе материала, конечно, не позволяли всегда четко различать новое и ранее не зафиксированное слово. “Можно утверждать, что и выпуски прежней серии «Новое в русской лексике. Словарные материалы», по сути своей, не являются словарями инноваций конкретного года” [Буцева 2011: 88].

Сходные проблемы при определении границ объекта описания отмечаются и в украинской неографии. Показательно, что инновации двадцатилетия 1983–2003 гг. отражены в первой книге словаря [ЛСІ-1], объем которой (136 страниц) позволяет прикидочно говорить примерно о 1300 единицах. Однако в этом своем первом словаре А. Н. Нелюба описал только те новообразования, которые не фиксировались другими словарями неологизмов [СНУ 2012: 8]. А за первые годы XXI столетия, как отмечает автор, были опубликованы словари новой лексики украинского языка различных авторов [Віняр, Шпачук 1–2; Колоіз 2003; Мазурик 2002; Нови 2010; НСЗ 2009; Стишов 2003]. Данный список демонстрирует, насколько активно разными авторами разрабатываются различные вопросы украинской неографии.

Полнота подобного словаря — это относительный параметр, зависящий как от охваченных источников, так и от методики мониторинга и принципов отбора лексики, подпадающей под определенные критерии. Видимо, при всей верности концепции, заявленной в первой книге словаря, на возрастающий объем словаря повлияло то, что за десятилетие заметно более распространенными стали электронные ресурсы и, в частности, СМИ.

Так, и русский словарь НСЗ-90 “был существенно доработан с учетом данных сетевых источников” [Буцева 2011: 87], что дало в результате три тома общим объемом более 2550 страниц, что заметно превышает суммарный объем словарей предыдущих трех десятилетий.

Новые технические возможности значительно расширяют потенциальный объем словаря инноваций, поскольку учитывают порой даже такие единицы, которым никогда не суждено появиться в речи еще раз. И это меняет смысл оперативной лексикографии: “Конечно, не все фиксированные единицы станут достоянием узуса, однако в совокупности они отражают еще и скрытые ресурсы,

возможности словообразовательной номинации украинского языка,” — справедливо отмечает А. Н. Нелюба [СНУ 2012: 3].

Актуальные словообразовательные процессы, включая авторское и экспрессивное словотворчество, отражают восприятие людьми различных событий и процессов современности. Трудно сказать, насколько полно небольшому авторскому коллективу в принципе удастся отразить инновации заявленного типа, однако следует отметить, что словарь материалов 2014 года [ЛСІ-7] от предыдущих книг отличается заметно большим объемом: 220 страниц против 172 страниц материалов 2012–2013 гг. [ЛСІ-6]. Таким образом, в словаре материалов 2014 года [ЛСІ-7] насчитывается около 2000 единиц, а в предыдущей книге, представившей материал двух лет, — около 1600 единиц [ЛСІ-6]. Более ранние выпуски при пересчете на год оказываются еще тоньше.

Оперативное описание такого большого объема материала было бы затруднительно без выработки четкой схемы словарной статьи, которая всегда имеет стандартную четырехкомпонентную структуру с соответствующей шрифтовой разметкой и разбивкой по строкам: 1) дериват и его мотиватор (мотиваторы), 2) словообразовательное значение деривата, 3) иллюстративный контекст использования, 4) источник [СНУ 2012: 4].

Одним из отличий рецензируемого словаря является внимание к словообразовательным связям, описанным в первой строке словарной статьи в виде дериватологической формулы. Несколько ускоряет работу лексикографа отсутствие детализированной дефиниции, которое компенсируется обязательностью наличия иллюстративного контекста.

В стандартном случае отношения производности указываются стрелочкой (←), напр.: “**Айдáривець** <айдáровец> ← **Айдáр** р’/р¹” [ЛСІ-7: 10]. Сегментом “р’/р” экономно обозначается наличие фоне(ма)тической вариативности в финали производящей основы.

Стандартная дефиниция в этом словаре стремится точно определить результат словообразовательного процесса, в рамках которого в потенции могут быть допустимы различные конкретные семантические реализации, например:

Мережóлог ← **мереж(á)** | Особа-дослідник мереж ‘лицо, изучающее сети’ [ЛСІ-7: 119]. При этом только из контекста становится ясно, что “*політолухами і мережологами*” ‘политологами и «интернетологами»’ изучаются сети не рыболовные и электрические, а социальные и виртуальные.

Мексикáнськість ← **мексикáнськ(ий)** | Предметнена ознака, названа прикметником *мексикáнський* ‘опредмеченный признак, названный прилагательным *мексиканский*’ [ЛСІ-7: 119]. Контекст показывает, что речь не о сомбреро и прочих атрибутах экзотического плана, а о синдроме социальной группы, утратившей свободу и стремление за нее бороться.

¹ В данном случае следует учитывать, что в украинском перед [i] (исторически происходящим из [o]) нормативно [p] и приемлемо [p’], учитывая отстаиваемый орфописателями “нормативний характер розрізнення твердих і м’яких приголосних перед [i] залежно від походження останнього” [Калашник 2011: 296]. В словаре было бы слишком расточительно вдаваться в такие детали, поэтому знаком [’] обозначены как мягкие, так и некоторые смягченные согласные (но не обозначается смягчения *г, к, х, ж, ч и ш*).

Сковородинізація ← “**сковородинізувати**” <в кавычках-лапках дан потенциальный член словообразовательной цепочки> ← **Сковород(á)**

Опредметнена дія (процес), пов’язана зі [sic! — В. Ш.] Г. Сковородою (поширення творів Г. Сковороди).

Сковородинізацію *України не треба відкладати*. . . ‘опредмеченное действие (процесс), связанное с Г. Сковородой (распространение его трудов)’: *сковородинизацию *Украины не нужно откладывать* [ЛСІ-7: 180].

Здесь можно было бы указать и еще один промежуточный член словообразовательной цепочки — прилагательное *сковородінівський* ‘сковородианский’ (если воспользоваться для русского толкования редким прилагательным). Однако такого рода детализация в стандартных цепочках носит факультативный характер, потенциальный компонент может никогда не реализоваться.

Все приведенные примеры показывают, что задача такого типа дефиниции — наметить семантические границы, в которых возможна реализация актуального лексического значения конкретного новообразования.

Еще одной особенностью издания является его злободневность, которая позволяет судить об активных словообразовательных процессах минувшего года буквально через несколько месяцев после истечения периода наблюдений. Это дает возможность обращаться к еще свежему опыту непосредственного восприятия новостей и других элементов актуального социокультурного контекста, что облегчает описание нового слова. Конечно, более пространным лексикографическим проектам трудно угнаться за подобной оперативностью реакции. С другой стороны, эти качества живого материала определяют и потенциальную опасность недоучета того, что по мере забвения актуального контекста читателю потребуется дополнительная информация для понимания словарной статьи. Какая именно, составитель словаря сегодня трудно предсказать. В общем, можно надеяться, что иллюстративный контекст и указание источника позволят в этом случае найти недостающие сведения.

Иллюстративные цитаты с точным адресом позволяют проверить в сетевых источниках многое, но далеко не всё. Целый ряд необычных единиц взят из художественных изданий, доступных пока только в традиционной бумажной форме.

Наряду с собственно словарем [ЛСІ-7: 7-215], в котором лексический материал представлен по алфавиту, в данной книге, как и в предыдущих, имеется “Перечень использованных словообразовательных средств”, включающий:

- “Префиксальные средства” [ЛСІ-7: 216];
- “Конфиксальные средства” [ЛСІ-7: 216-217];
- “Суффиксальные средства” [ЛСІ-7: 217-219];
- “Новые словообразовательные основы” [ЛСІ-7: 219].

И в седьмой книге соблюден принцип, в соответствии с которым в реестре не отражены сложные словообразовательные основы (словосочетания и предложно-субстантивные сочетания), поскольку их словообразовательная история не восстанавливается однозначно; исключение сделано для иноязычных сложных основ [ЛСІ-7: 219].

Заметную часть словаря инноваций составляют прозрачные по составу частей и их суммарному значению слова: *бітлолюб* ‘битлолюб’ (русское толкование также реально: Гугл — 1000, Яндекс — 200 [далее в формате 1000/200]), *бліцшиїк*

‘блицпшик’ (русское слово встретилось только в контекстах, связанных с Украиной: 9/8) [ЛСІ-7: 29], *вангува́ти* ‘ванговать (= пророчествовать)’ (43000/370000)² [ЛСІ-7: 33], *геноци́дити* ‘геноцидित’ (данные по двум языкам трудно развести) [ЛСІ-7: 47], *гіперсо́н* ‘чрезвычайно крепкий сон (сторожа)’ [ЛСІ-7: 51], *дебі́лшо́у* ‘шоу дебилов’ [ЛСІ-7: 56] и мн. др. Некоторые данные из русского интернета показывают большее или меньшее распространение точных аналогов украинских слов.

Правописание в заглавном слове (нормативное) и цитате (ситуативное) иногда различаются:

Ава́ківка ‘мова / язык Авакова’ “була азаровка <язык Азарова>, а тепер авако́вка”;

Антискрипа́ль ‘антискрипач, противоположное к *скрипач*’, в контексте имеется упоминание (с дефисом) “анти-скрипаля, у якого «скрипка скрипить», а не видає чарівливі звуки” [ЛСІ-7: 18];

Артъярма́рок ← **я́рма́рок** | Ярма́рок, пов’язаний із артом ‘ярмарка, связанная с «искусством»’ [ЛСІ-7: 20]. В контексте новое слово представлено с подчеркивающим структуру словосложения дефисом — *арт-ярмарок*.

Нельзя не согласиться с подобным орфографическим плюрализмом: с одной стороны, словарь как инструмент кодификации призван блюсти орфографические нормы, но с другой — сохранение авторского написания в цитате позволяет более корректно представлять аутентичный материал источника, что немаловажно и для успешного поиска цитаты в интернете, если возникнет такая необходимость. Строгая документация первых фиксаций столь неустойчивого с точки зрения графического оформления лексического материала важна и для лексикологов; в конечном счете нельзя заранее предсказать ни судьбу новообразования, ни рамки вариативности его написания в случае возрастания его употребительности.

Как показывает словарь, чрезвычайно распространены всякого рода “дву-слойные” экспрессивные инновации, с трансформацией как в начале, так и в конце основы, нередко подчеркнутые особенностями написания и прочтения.

Обычно такие номинации характеризуются негативной коннотацией и порой приближаются к границе допустимого:

Дурналі́стика ← [**дурн(а) журна**]лі́стика | Ослівлення словосполучення *дурна журналістика* ‘универбация словосочетания *глупая журналистика*’ [ЛСІ-7: 66];

Дупута́т ← [**дуп(а) + деп**]ута́т *ý/у* | Депутат-ду́па ‘депутат-задница’ [ЛСІ-7: 66].

Нередко такое новообразование также стилизуется как бы под описку или ослышку, как, например:

Губерна́тхорь ← **губерна́[тор] + тхорь** *ó/о* <формула показывает, что *тхорь* (диал., укр. лит. *тхір*) при наложении основ теряет ударение> | Губернатор-тхорь ‘губернатор-хорь’ [ЛСІ-7: 54].

Однако чаще слова приводятся с указанием на актуализированный “мерцающий” состав в графике, например:

АдвоКАТ ← **адво[ка́т + кат]** | Адвокат-кат ‘адвокат-палач’ [ЛСІ-7: 9].

² Яндекс лучше учитывает русские глагольные формы, поэтому такая разница.

Нетрудно заметить, что те же способы сегментации слова, актуализирующие произвольные смысловые ассоциации, встречаются в современных русских текстах, в публицистике, часто в заголовках, например: *БУШевали*, шрифтовым выделением связываемое с фамилией американского президента [Николина 2007: 219].

Подобная двойная мотивация может трансформировать вид исходного слова, сохраняя его узнаваемость, например:

Бійціця ← **боєць** *é/ε ц' /ц о/i* | Жінка-боєць 'женщина-боец' [ЛСІ-7: 29].

Судя по другим примерам, ожидалось бы указание на дополнительную мотивацию словом *ціця* 'титька', поскольку здесь не обнаруживается иных причин блокирования регулярного чередования *ц' /ч*, с учетом потенциального **бійціця* от *боєць*, ср. укр. пару *купець* — *купціця* 'купчиха', русское студенческое в 1970-е годы *бойчиха* 'девушка-боец (стройотряда)'.

Нетрудно заметить, что сходные явления вошли в последние десятилетия и в русский язык публицистики и СМИ (т. е. они стали допустимыми в печатных изданиях), а в устной речи они наблюдались и ранее.

При всей потенциальности установления отношений производности для уникальных новообразований реконструкция словообразовательной основы иногда может быть предложена и другая:

Багаторосія ← **багát(а) Росія** +o+ *á/a í/i* 'богатая Россия' [ЛСІ-7: 21],

слово встречено в контексте "*Малоросію, Багаторосію*", который, думается, указывает и на актуализацию антонимии *мало* — *багато* 'много', т. е. предположительно от **багát(о) Росії** 'много России / Многороссия'. Верность словообразовательной модели названий территорий на *-росія* объясняет, конечно, и расположение ударения.

В одном случае можно указать на оговорку в толковании:

Добківна ← **Добкін** | Дружина М. Добкіна (український політик). . . *добківна з огірками*. . . 'супруга Добкина' [ЛСІ-7: 61],

более точное толкование — 'дочь Добкина', судя по малопродуктивной ныне (кроме отчеств) суффиксации, а 'супруга Добкина' в традиционной системе номинации членов семьи — *Добкова, Добчиха*. Обращение к источнику в интернете (Петрович, "Весняні думки про мімікрію", портал "Дурдом": <https://durdom.in.ua/>) позволяет подтвердить исправление толкования, а также уточнить дату публикации 30 марта 2013 г., что указывает на то, что не только материалы 2014 г. использованы в словаре, но и несколько более ранние. В обсуждении заметки автор с ником Karl Marks пишет то, что спровоцировало ответ автора материала со словом *Добківна*: "Якби д о н ь к а Добкіна серед інших виклала світліну з дачі, де вона поливає огірки, то це була б мімікрія (= Если бы дочь Добкина среди других выложила фотографию с дачи, где она поливает огурцы, то это была бы мимикрия)".

Незначительная опечатка может быть отмечена в следующей словарной статье:

Часомólка ← **мол-ó(ти) час** +o+o/ o/ó *á/a* | Предмет, який *молоте* час [ЛСІ-7: 207].

Неверное толкование, точнее ‘предмет, который мелет время’ (‘предмет, который молотит время’ — это *часомолотка). От укр. глагола *молотити* 3 л. ед. ч. *молотить* (*молоте* — форма диалектно-просторечная); от укр. инфинитива *молоти* (русск. *молоть*) 3 л. ед. ч. *меле* ‘мелет’.

В одном стихотворном контексте, как кажется, реконструируется другое ударение:

Ясногоріти — ? [мотивация неясна] ? [толкование неясно] *Хтось знав, як ти мені говориш — Ніжноутариш, ясногориш І як та свічка гориш* (Б. Чепурко. Наварія) [ЛСІ-7: 215].

Рифма *говориш — ясногориш* указывает скорее на ударение *ясногóрити*. В соседстве с *гориш* ‘горишь’ для окказионального глагола маловероятна тавтологическая производность, т. е. *ясногорити*, возможно, надо понимать не как производное от *ясно горіти*, а как производное от *Ясна Гора* ‘одаривать благодатью, подобно Ченстоховской иконе Богородицы в Ясной Гуре’.

Понятно, что некоторые слова попадают в словарь позже, чем закрепляются в сфере неформального общения. Так, например:

Апофігéй ← **а[по]гéй** + **[пóфіг]** ó/о | Апогей, за якого всім “пофіг” ‘апогей, при котомор всем всё равно (пофиг)’ [ЛСІ-7: 19].

Похожее слово было в ходу раньше, например, повесть ‘Апофегей’ Ю. М. Полякова (1989) о драматическом выборе между карьерой и чувством в годы позднего застоя.

Борцún ← **борéць** е/ø ц’/ц | Зневажливо-іронічне до *борéць* ‘презрительно-ироническое к *борець*’ [ЛСІ-7: 30].

В Гугле *борцун* встречается около 25 000, в Яндексe 16 000, в силу тождественности написания украинский и русский материал не разделяется.

Компактное представление нового лексического материала позволяет делать выводы об изменении в продуктивности или в моде на те или иные словообразовательные форманты. Например, *Євро-* в наблюдаемый период является префиксоидом, с участием которого произведено очень много новообразований — 66 слов [ЛСІ-7: 69–76]. Впрочем, за 2012–2013 гг. зафиксировано 69 новообразований с тем же формантом [ЛСІ-6: 47–54]. Иногда этот формант присоединяется к словам, которые редко принимают участие в словообразовании по моделям, характерным для интернациональной терминологии:

Єврощáстя ← **щáстя** | Щастя з Європи ‘счастье из Европы’ [ЛСІ-7: 76].

Факультативное замечание с точки зрения читателя касается оформления заглавных слов. Заглавные и строчные буквы при оформлении нарицательных и собственных имен существительных в позиции заглавного слова не различаются, что соответствует правилу оформления начала предложения. В данном случае при обилии трансформированных антропонимов и других имен собственных в словаре (*Дездемóнка* [ЛСІ-7: 57], *Зоокарпáття* ← [*зоó* + *За*]*карпáття* [ЛСІ-7: 84] и мн. др.) такое решение представляется не очень удобным. Возможно, имело бы смысл ориентироваться на практику этимологических словарей, где запись

апеллятивной лексемы в начале предложения, коим является словарная статья или ее часть, начинается со строчной буквы.

Очевидно, статус зафиксированных неологизмов может меняться, может уточняться их описание, но “несомненным является и тот факт, что с помощью таких словарей можно в деталях и нюансах писать и изучать «текущую» историю сообщества, историю, которую нельзя переписать” [СНУ 2012: 3].

Бібліографія

Буцева 2011

Буцева Т. Н., “О названии словарей новых слов русского языка в аспекте эволюции их содержания”, *Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского*, 2/6, 2011, 85–89.

——— 2015

Буцева Т. Н., “«Новые слова и значения. Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 90-х гг. XX в.» Тома 2, 3 (к выходу из печати)”, в: [СПЛ 2015: 32–33].

Віняр, Шпачук 1–2

Віняр Г. М., Шпачук Л. Р., *Словник новотворів української мови кінця XX століття*, 1–2, Кривий Ріг, 2000–2002.

Дмитриев 2015

Дмитриев Д. В., “Фасетное зонирование лексики в электронных словарях”, в: [СПЛ 2015: 64–65].

Калашник 2011

Калашник В. С., “Тверда вимова зубних приголосних перед [i] в сучасній українській мові (теоретичний та ортологічний аспекти)”, в: *Він же, Людина та образ у світі мови: вибрані статті*, Харків, 2011, 295–299.

Козулина 2015

Козулина Н. А., “О проекте толкового словаря новых эзотерических терминов”, в: [СПЛ 2015: 95–96].

Колоіз 2003

Колоіз Ж. В., *Тлумачно-словотвірний словник оказіоналізмів*, Кривий Ріг, 2003.

ЛСІ-1

Нелюба А., *Лексико-словотвірні інновації (1983–2003): Словник*, Харків, 2004.

ЛСІ-2

Нелюба А., Нелюба С. *Лексико-словотвірні інновації (2004–2006): Словник*, Харків, 2007.

ЛСІ-3

Коротич К., Лук'яненко С., Нелюба А., Нелюба С., Трифонов Р., *Лексико-словотвірні інновації (2007): Словник*, А. Нелюба, заг. ред., Харків, 2009.

ЛСІ-4

Нелюба А., Нелюба С., *Лексико-словотвірні інновації (2008–2009): Словник*, А. Нелюба, заг. ред., Харків, 2010.

ЛСІ-5

Нелюба А., Нелюба С., *Лексико-словотвірні інновації (2010–2011): Словник*, А. Нелюба, заг. ред., Харків, 2012.

ЛСІ-6

Нелюба А., Редько Є., *Лексико-словотвірні інновації (2012–2013): Словник*, А. Нелюба, заг. ред., Харків, 2014.

ЛСІ-7

НЕЛЮБА А., РЕДЬКО Є., *Лексико-словотвірні інновації (2014): Словник*, Харків, 2015.

МАЗУРИК 2002

МАЗУРИК Д., *Нове в українській лексиці. Словник-довідник*, Львів, 2002.

НИКОЛИНА 2007

НИКОЛИНА Н. А., "Сегментация слова в современных текстах", в: А. Д. ШМЕЛЕВ, отв. ред., *Вопросы культуры речи*, 9, Москва, 2007, 217–226.

НОВІ 2010

БАЛОГ В. О., ЛОЗОВА Н. Є., ТИМЕНКО Л. О., ТИЩЕНКО О. М., *Нові й актуалізовані слова та значення: словникові матеріали (2002–2010)*, О. М. Тищенко, відп. ред., Київ, 2010.

НРЛ-77

КОТЕЛОВА Н. З., ПЕТУШКОВ В. П., ШТЕЙНСАПИР Ю. Е., ГЕРАСИМОВА Н. Г., *Новое в русской лексике. Словарные материалы-1977*, Н. З. Котелова, ред., Москва, 1980.

НРЛ-94

КОЗУЛИНА Н. А., АЛАТОРЦЕВА С. И., ДЕНИСЕНКО Ю. Ф., ЛЕВАШОВ Е. А., БУЦЕВА Т. Н., БОЯРКИНА В. Д., ХОЛОДОВА Е. П., *Новое в русской лексике. Словарные материалы-1994*, Ю. Ф. Денисенко, ред., С.-Петербург, 2006.

НСЗ-60

КОТЕЛОВА Н. З., СОРОКИН Ю. С., ред., *Новые слова и значения. Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 60-х годов*, Москва, 1971.

НСЗ-70

КОТЕЛОВА Н. З., ред., *Новые слова и значения: Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 70-х годов*, Москва, 1984.

НСЗ-80

ЛЕВАШОВ Е. А., ред., *Новые слова и значения: Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 80-х годов*, С.-Петербург, 1997.

НСЗ-90

БУЦЕВА Т. Н., гл. ред., *Новые слова и значения: словарь-справочник по материалам прессы и литературы 90-х годов XX века*, 1–3, С.-Петербург, 2009–2014.

НСЗ 2009

ТУРОВСЬКА Л. В., ВАСИЛЬКОВА Л. М., *Нові слова і значення. Словник*, Л. О. СИМОНЕНКО, відп. ред., Київ, 2009.

СНС 1995

КОТЕЛОВА Н. З., ред., *Словарь новых слов русского языка: Середина 50-х – середина 80-х годов*, С.-Петербург, 1995.

СНУ 2012

НЕЛЮБА А., *Словотворчість незалежної України. 1991–2011: Словник*, Харків, 2012.

СПЛ 2015

КРЫЛОВА О. Н., отв. ред., *Современные проблемы лексикографии: Материалы конференции*, С.-Петербург, 2015.

СТИШОВ 2003

СТИШОВ О. А., *Українська лексика кінця XX століття (на матеріалі мови засобів масової інформації)*, Київ, 2003.

ЯНУРИК 2015

ЯНУРИК С., "Проблемы лексикографического представления нетранслитерированных новых англицизмов в современных русских словарях разного типа", в: [СПЛ 2015: 206–208].

References

- Alatortseva S. I., Boyarkina V. D., Butseva T. N., Denisenko Yu. F., Kholodova E. P., Kozulina N. A., Levashov E. A., *Novoe v russkoi leksike. Slovarnye materialy-1994*, Yu. F. Denisenko, ed., St. Petersburg, 2006.
- Baloh V. O., Lozova N. Ie., Tymenko L. O., Tyshchenko O. M., *Novi i aktualizovani slova ta znachennia: slovnykovi materialy (2002–2010)*, O. M. Tyshchenko, ed., Kiev, 2010.
- Butseva T. N., “O nazvanii slovarei novykh slov russkogo iazyka v aspekte evoliutsii ikh soderzhaniia,” *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo*, 2/6, 2011, 85–89.
- Butseva T. N., ed., *Novye slova i znacheniia: slovar'-spravochnik po materialam pressy i literatury 90-kh godov XX veka*, 1–3, St. Petersburg, 2009–2014.
- Butseva T. N., “«Novye slova i znacheniia. Slovar'-spravochnik po materialam pressy i literatury 90-kh gg. XX v.» Toma 2, 3 (k vykhodu iz pechati),” in: O. N. Krylova, ed., *Sovremennye problemy leksikografii*, St. Petersburg, 2015, 32–33.
- Gerasimova N. G., Kotelova N. Z., Petushkov V. P., Shteinsapir Yu. E., *Novoe v russkoi leksike. Slovarnye materialy-1977*, N. Z. Kotelova, ed., Moscow, 1980.
- Dmitriev D. V., “Fasetnoe zonirovaniie leksiki v elektronnykh slovoriakh,” in: O. N. Krylova, ed., *Sovremennye problemy leksikografii*, St. Petersburg, 2015, 64–65.
- Janurik Sz., “Problemy leksikograficheskogo predstavleniia netransirirovannykh novykh anglitsizmov v sovremennykh russkikh slovoriakh raznogo tipa,” in: O. N. Krylova, ed., *Sovremennye problemy leksikografii*, St. Petersburg, 2015, 206–208.
- Kalashnyk V. S., *Liudyna ta obraz u sviti movy: vybrani statii*, Kharkov, 2011.
- Koloiz Zh. V., *Tlumachno-slovotvirnyi slovnyk okazionalizmiv*, Krivoi Rog, 2003.
- Korotych K., Luk'ianenko S., Neliuba A., Neliuba S., Tryfonov R., *Leksyko-slovotvirni innovatsii (2007): Slovnyk*, A. Neliuba, ed., Kharkov, 2009.
- Kotelova N. Z., ed., *Novye slova i znacheniia: Slovar'-spravochnik po materialam pressy i literatury 70-kh godov*, Moscow, 1984.
- Kotelova N. Z., ed., *Slovar' novykh slov russkogo iazyka: Seredina 50-kh – seredina 80-kh godov*, St. Petersburg, 1995.
- Kotelova N. Z., Sorokin Yu. S., eds., *Novye slova i znacheniia. Slovar'-spravochnik po materialam pressy i literatury 60-kh godov*, Moscow, 1971.
- Kozulina N. A., “O proekte tolkovogo slovaria novykh ezotericheskikh terminov,” in: O. N. Krylova, ed., *Sovremennye problemy leksikografii*, St. Petersburg, 2015, 95–96.
- Levashov E. A., ed., *Novye slova i znacheniia: Slovar'-spravochnik po materialam pressy i literatury 80-kh godov*, St. Petersburg, 1997.
- Mazuryk D., *Novye v ukrains'kii leksytsi. Slovnyk-dovidnyk*, Lviv, 2002.
- Neliuba A., *Leksyko-slovotvirni innovatsii (1983–2003): Slovnyk*, Kharkov, 2004.
- Neliuba A., *Slovotvorchist' nezalezhnoi Ukraïny. 1991–2011: Slovnyk*, Kharkov, 2012.
- Neliuba A., Neliuba S., *Leksyko-slovotvirni innovatsii (2004–2006): Slovnyk*, Kharkov, 2007.
- Neliuba A., Neliuba S., *Leksyko-slovotvirni innovatsii (2008–2009): Slovnyk*, A. Neliuba, ed., Kharkov, 2010.
- Neliuba A., Neliuba S., *Leksyko-slovotvirni innovatsii (2010–2011): Slovnyk*, A. Neliuba, ed., Kharkov, 2012.
- Neliuba A., Red'ko Ie., *Leksyko-slovotvirni innovatsii (2012–2013): Slovnyk*, A. Neliuba, ed., Kharkov, 2014.
- Neliuba A., Red'ko Ie., *Leksyko-slovotvirni innovatsii (2014): Slovnyk*, Kharkov, 2015.
- Nikolina N. A., “Segmentatsiia slova v sovremennykh tekstakh,” in: A. D. Shmelev, ed., *Voprosy kul'tury rechi*, 9, Moscow, 2007, 217–226.
- Styshov O. A., *Ukraïns'ka leksyka kintsia XX stolittia (na materialii movy zasobiv masovoï informatsii)*, Kiev, 2003.
- Turovs'ka L. V., Vasyl'kova L. M., *Novi slova i znachennia. Slovnyk*, L. O. Symonenko, ed., Kiev, 2009.
- Viniar H. M., Shpachuk L. R., *Slovnyk novotvoriv ukrains'koï movy kintsia XX stolittia*, 1–2, Krivoi Rog, 2000–2002.

Доц. **Виктор Васильевич Шаповал**, канд. филол. наук
 Московский городской педагогический университет,
 доцент кафедры методики преподавания истории
 129226 Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, д. 4, корп. 4
 Россия/Russia
 liloro1@yandex.ru

Received on June 7, 2015